

ЦЕНА 10 КОП.

СМЕНА

XX 101
1

18

1929

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

КОННИЦА СКАЧЕТ. Кадр из фильма.

ВЫСОМОЛ

Повесть М. СНЕЖИНА. Рис. Г. БЕРЕНДГОФА

(Продолжение)¹

ТЯЖЕЛАЯ лампочка не хочет гореть беспрерывно. Ветер раскачивает ее в небе в грязно-синем колпаке, она отключается, нарушается контакт с патроном, и лампа затухает. Как на зло отключивается она регулярно по ночам, в темь. Даром назвали ее—солнце...

С тех пор, как пришел в цех Борис Щеглов, почти ничего не изменилось. Во всяком случае, и он не пробовал наконец привинтить капризную лампу в грязно-синем колпаке неба.

Творились простые дела, как и все, которыми заняты люди. Павел целиком был в воловоороте закипевших на заводе неостуженных своих и чужих дел. Борис стоял в стороне и заставлял настраиваться.

— Из комсомола я вышел. Немного сам, немного с чужой помощью. От Красной армии освобожден, сердце или что-то в этом роде. Был в драмкружках, на проформах, но больше интересовался работой в ночных сменах,—с девочками. А теперь мне хочется жить, работать, смотреть, и все это спокойно. Мне надоело слушать и говорить о мировых делах. Сейчас всем захотелось лезть в небо. И я не прочь почитать об этом. Только меня больше интересует межпланетная ракета Макса Вальдери, чем те, кто лезут на Марс за... социализмом. Сам же я все остальное нахожу на земле.

— Что же это все?—спрашивал Павел.

— Ты идешь от меня ответа, в котором упоминались бы общественные интересы, пафос стройки, девушки в красных косынках. Я отвечаю только о лезущих. Несмотря на то, что я читаю техническую литературу—и на этом фронте я не испытываю поражений. Немецкие мастера отказались от сухого изложения техники. Они пишут теперь о машинах так, как доктор Фридрих написал о гонорее. У них машина и все вокруг нее—живет. И я могу говорить об этом так, что любой девочке мот покажется самым пылким героем-любовником, а я его спутником и наставником. А наставники, если тебе известно, имеют право на утешение женщин.

Нельзя сказать, чтобы Павлу было легко понять все то, о чем говорил Борис. Потому Павел часто пасовал перед смелым и глупым суждением Бориса. В Щеглове, несомненно, было что-то неравное. Он легко сумел побороть возникшее к нему недружелюбное отношение целого цеха. Он ни разу не столкнулся с кем-нибудь на работе и на разные лады, с удивительным мастерством, говорил о чистоте и уюте. Он искусно возводил в культ эту чистоту, и его рассказы о блестящих зарубежных заводах, об удобствах, автомобилях и любви слушал даже Хаток и часто уже без той мудрой запорожской улыбки, которая прятал глубокий и трезвый смех. И однажды Дерилян, тот самый непримиримый Дерилян, который в первый же день так просто замал Щеглова в душную и елку «подмышку», сказал Павлу:

— Чистота да хауэту, а, вилать, том не зря шапку носит. Другой раз говорит по ночам, как жабы по болятам или полкалами на самокритичке, а послушать—ладно. Вы, говорит, зарабатывали право, чтобы работать в чистоте и покое, и прочее такое. Даже, мол, по заграницам такое, мол, как у нас не творится. А там, как сам знаешь, революция еще не простучала. За что же им, стало быть, жить, а мы все из кожи да из кожи лезем, как-будто у нас их не семь кош этих самых, а до самой коммуны достанет.

— Чувшь, Павлу, як він навпростець загибає?—вступал в разговор Хаток,—та може він бреше наполовину? мы й то

розуміем, коли б наши промовники, чим плескатым зря, по чепурності помркывували було б ще краще крайозагты.

Павел теперь определил, что Щеглов, работага и одиночка, Щеглов, с его культом заграничной чистоты и покая, принятым даже Дериляным и Хатоким, незаметно, может быть, даже незаметно для него самого, делает плохое дело. И так делает, что его почти не в чем обвинять. И тогда со всей прямоотой снала Павлу голову прозрачная, как хрусталь, но такая же тяжелая мысль. Голова была обязана обдумать и осилить все это, и неизвестно почему именно Павлу нельзя ни на минуто стравити от всего этого глаза.

— Эй, Павло! Электро-Америку открываешь?—полошил Борис.—Скажи-на мне лучше, что это там за синеглазочка в телефонной? Я сейчас там работал и, честное слово, задержался бы, если бы Николаю Ивановичу не нужно было срочно сдать работу. Что это за бисквит?

— Сине... синеглазочка?—растерялся Павел и вдруг понял, что Борис спросил его об Анке.

— А чорт ее знает!—почти закричал он и вышел из мастерской.

«Это хорошо «синеглазочка». Интересно, понравилось бы это Анке? А может быть, он уже сказал? На этой мысли Павел сталос переключать, мысли только к сторону Щеглова и вступал с отсутствовавшим Борисом в спор. Вернее, не с ним, а с его культом заграничной чистоты.

«Говорить, товарищ белобрысы, легко. Легко, начитавшись, подметать языком паркету заграничных заводов, которых ты никогда не видел. А ты лучше спрячь язык да одолжи нам руки, чтобы легче было сделать что-нибудь здесь. Ты, вместо того, чтобы солить наши затылки, покрытые «мазью» Дериляна, вместо того, чтобы наводить на нас заграничные мечты об автомобилях,—возьми да придумай что-нибудь здесь! Но мне кажется, что для тебя важно только не загрязнить свой плащ. Молоток ты держишь, как зонтик, у тисков работаешь, как на пианино играешь,—локти на весу, одни кончики пальцев в работе».

Эти споры получались живыми и яркими, но настоящих разговоров с Борисом он избегал, потому что Борис остро и быстро отшучивался, а свои слова Павел не умел высказывать, не имея времени хорошо их продумать и сложить. Однако, такие споры с отсутствовавшим противником послужили на пользу, из них у Павла выросла своя идея, которая позволила Павлу сказать:

— У чистуна все чисто. Значит, бить его можно только делом.

На огромной плоской крыше формовочного цеха электрики устанавливали телефонные крошительны. Был один из тех предвесенних дней, когда победенный холод засел где-то в последней засаде,—он еще будет драться, но это уже конец: пахнет пороком солнца.

— Сиерво же, а вже цыганський пот пробіває. Хаток сбросил куртку и вдруг вылил ногами дробь «гопака», пробрав в присядку до самого края крыши.

— Как живо!—растерялся Дерилян и постучал тяжелыми ладонями.—Гляди, не упади, на земле еще холодно, да пока долетит, скучно станет.

— Чи був би монтером, коли б с таякой ось крыши падав?—Хаток быстро, молодо и неосторожно пробежал по крыше и, остановившись на краю, обвел вокруг себя рукой.—Та це ж майдан справний, а не земля. Ось, глянь!

Гладкие железные листы образовали широченную площадку, а чугунная решетка, опоясывая эту шестнадцатиметровую

¹ Началю с «Смену» № 17.

высоту, сделала ее наклонной и спокойной. Крыша еле заметно выдвигалась, будто дышала гладкой спиной завод. Под ногами в многогресном теле творили что-то бесчисленные головы, руки, трансмиссии, агрегаты. Внизу на многометровой глубине разбегались уголковики, вагонетки, краны. Дальше—поля с редкими кусками снега, будто, уходя, растеряла вима снежное белье. А перед самыми глазами пять труб, как пальцы, держат вольтовую дугу—солнце.

Потом Павел посмотрел на груды шлама, угля, камня и ржавого железного лома, разбросанного по двору завода, и вспомнил слова Бориса:

«Чертовски грязно на нашей земле. Мне она иногда кажется грязной картошкой, которую зафутболил какой-то чужак, и она летит теперь в пространство. Скучно сидеть в таком муравьям на паршивой картошке. Сидюс, Павло, ползезу к чертовой бабышке или до... социализма».

Павел «садился», но не потому, что собирался ехать с Борисом на картофельне, а потому, что эти слова требовали такого же гладкого ответа, а под языком не оказывалось ничего, кроме общих и больше нутряных мыслей о радости труда, стройке, любви к... О последнем Павел не стал бы говорить с Борисом, не мог бы говорить, а первые мысли не раз и у Павла сталкивались с грудями мусора, с серыми людьми; нет, Борис здорово назвал их—муравьями на картошке...

Павел снова осмотрел мусорный двор виноу, перевел глаза на крышу, снова взглянул вниз и яростно набросился на бухту провода. Он знает, как разворачивается провод. На втором кольце свернулся «кучочка», значит—провод перекручен и лопнет...

— Павло! Сатанал!—кричит Хатюк,—ты шо, сказивая? Мы вже десять хвили дивимось на тебе. Чи ты аэроплан выходишь?

— И на телефон лететь собираешься?—докончил за Хатюка с ласковой насмешкой Дерягин.

— Чи ты лєтєшь хутор тучочки распланувати вибравя? Може ше-й с бабой та с телефоном?—уже хохочет Хатюк.

И так же вторит ему Дерягин:

— Тогда, глядь-поглядь, бери меня до себя сторожем,—до хутора и до бабы. Спецопенды не нужно: тут летом припечет, а стяд с земли не увидят.

Они заливаются хохотом, наперевой развывая непристойные мысли о хуторе на крыше, ей такой зручной, такой спокойной, як молода жинка у медовой мисьяш.

Но, похохотав с ними, Павел вдруг ошарашивает их странным ответом:

— На земле у нас грязно, так мы здесь для Щеглова хутор, в самом деле, распланируем.

Выпалив это, он срывается и бежит к лестнице, а Хатюк обглядывает его:

— Тую на тебе, Сказиваний. Жеребца, куды тебе пошло?

Электрики остаются одни. Спор и ловко идет у них работа,—она не прерывается даже в минуты горячих разговоров, но того привычки к ней криво, но вот Хатюк роняет плоскогубцы и говорит:

— Сукин кит. А воно же не крыша, а справжий майдан. Чи бачив ты, Дераже, таке дило? Шо-сь у парня с башкой, мабуть дивчина винувата.

Павел тем временем пробегает по заводу. На формовке, в бегунии, в механическом цехах он на минуту задерживается у станков, занятых комсомольцами, и, торопясь, сбрасает каждому:

— В воскресенье актив. Вопрос о крыше. Будь обременен. Они пробуют его остановить, расспросить подробнее:

— Стой, что за крыша?

— Кошек, что ли, будем бить?

— Валится крыша, или что?

Но Павел бежит уже дальше.

На motore он замирает в телефонной будке.

— Анка, в воскресенье—актив. Да, в ячейке, по поводу крыши.

И в ответ на вопросительное молчание вешает трубку...

С самого начала Павлу стало ясно, что таинственная крыша взрелась почти ребратм в память. Уже стоило внимания то, что собравшись сразу же, еще не зная в чем дело, назвали его «крывельником».

— Кривельщик. Начиняй. В клуб не поспеем.

— Чего ты там не выдал?

— Киношка сегодня.

— Мало радости. Я вчера смотрел «Поцелуй Марис. Смешно, конечно, а только знаете, чего я больше смеялся? Механик смешил. Только покажется эта самая Марис, он как перелетит—и сразу оию Марино брехю вдишет. Публика орет, ноги стучит: «рамку! Туть опять как дерет—от Марис оиди, Марис остаются. «Рамку! Рамку даешь!». Хлоп—полголова, а над ней ноги.

— Трепло. Чем ногами стучать, пришел бы в правление и сказал бы.

— Сам трепло. А в правление я ходил. Там завлук как на меня напустился. «Это,—кричит,—дымогония. Весной всегда работа хуже движется». Я ему: «Врешь,—говорю,—рыбий твой глаз. Кто поверит, чтобы футбол двигался хуже твоей засмотренной Марис?»

— И верно, «дымогония». Нето ты ему сказал, про выборы нужно было напомнить...

Анка, едва только вошла, уже успела спросить у Павла:

— Что это за новый парень у вас? Он у нас в телефонной подстанции работал.

— Парень, как парень, только немного трепливый.

— Нет, он, видно, неглупый парень,—отвела Анка в сторону синие глаза.

И Павел понял, что не это хотел он сказать ей о Борисе. Он, кажется, хотел ее предостеречь, даже знал, что он скажет о нем и как. Но не сумел.

Сейчас Павел жалел, что вчера сказал Борису о своей идее. Когда Борис улыбался о том, как Павел собирается «разлеять» крышу формовочного цеха, он рассмеялся, сказал, что он лично в этой глупой затее не будет принимать участия, и прибавил так, что бы слышали окружающие:

— На крыше—райский сад, на земле—ад, поцелуй kota в зад.

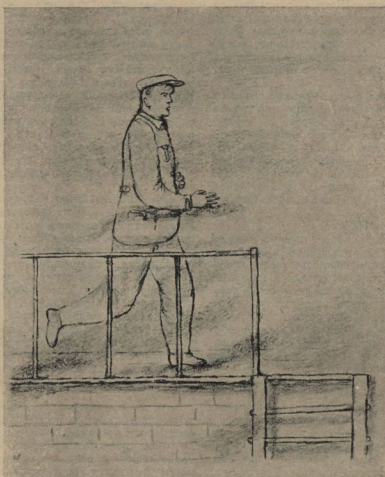
— Что за «Крышамол»? Так, что ли, ты думаешь называть свою «Крышу для молодежи»? Нет. Я лучше пойду на футбольную площадку. Там и чисто, и на земле, и нетнет, девчонку встретишь. А на крышу только старая дева залетит, да и та... из танок. Борису—«Крышамол», было принято горячо. Молодость развязала не только язык,—она подкрепляла каждую мысль, каждое предложение, каждую деталь крепкими и ясными движениями.

— Целиком поддерживаю небесный поход на крышу,—кричал член бюро кружка беззвоников.—Дашь солнечные ванны,—и грохнулся на пол, раскинув руки под воображаемым солнцем.

— Ах! А лунные ванны, там, на страшной высоте, откуда не убежит ни одна девчонка,—завздыхал другой и горячо обнял неуклюжее кресло.

— Девчата. Возражайте против крыши. Опасное для вас дело.

— Оркестр. Танцы. Цветы. Фонарики. Я всю жизнь просижу на такой крыше.

Выпалив это, он срывается и бежит к лестнице...

Но выступил вперед спортивный инструктор, и все невольно приоткрылось к его серьезному лицу.

— К делу, ребята. Давайте не по-детски, а всерьез подумаем об идее товарища Павла. Во-первых, «Крышамол» — нехорошее слово. По-татарски оно означает...

— Врешь, — крикнул с места татарин-формовщик, — нет у нас такого слова совсем.

— ...Все равно, — не смущаясь, продолжал инструктор, — я предлагаю название «Высомол» — высота для молодежи. Но я сейчас поумал не о фонариках и танцах. Я поумал, что там, на высоте, мы добьемся большего. Представьте себе такую картину: утром, за час до начала работы, мы являемся на крышу. В развешивании обрешиваем с себя все...

— Как «всё»? ...
— Тшш... и остаемся в спорткостюмах. Тут мы производим вольные движения, дышать легко гимнастику. Формовка далеко от машинного отделения, и на высоте воздух совершенно чистый. Кроме того, завод переходит на электричество, и дыма у нас не будет совсем. Ну-с, затем — душ, и мы, бодрые, идем на работу. В перерыв на завтрак — солнечные ванны. Лунные ванны менее полезны, — улыбаются он в сторону деушек. — А уж о вечерах, страде, танцах, оркестре позаботится агитпроп.

В комнате сцепились шпатель и свистящие слова — «Крышамол» и «Высомол», но из уловленных выкриков можно сделать только один твердый вывод: все готово сейчас же приступить за обработку крыши, ибо:

— В здоровом теле — здоровый дух.

— Во время солнечных ванн продавать лимонад и мороженое.

— Дежурные должны мыть «Высомол» каждый день в три смена.

— Это девчата будут мыть.

— Мыть будут дожди.

— А подметать такое барахло, как ты, ветер.

— Управляет штаб «Высомола». Начальник — Павел.

— В кассе билеты на вечера!

— На лунные ванны, что ли, билетики-с.

— Дашь солнце!

— Дашь луну!

— Дашь «Высомол»!

— Нет, «Крышамол»!

— Нет, «Высомол»!

— Отставить. Еще не утверждено.

— А деньги откуда? — ворвался тихий вопрос, и все сразу замолкло, как-будто над головами прощуршала горьким смехом пустая, голая, серая крыша...

Кто-то попытался поправить положение и снова бросил собрание в горячие планы, веселье и смех. Кто-то призвал на помощь мудрость Зошенко:

— «Не в деньгах счастье».

Но уже медный пятак закрыл солнце, фонарики, луну... и все, не сговариваясь, прокричали в сторону Павла:

— А деньги? Сотни, небось, нужны.

— Гони монету, которой нету.

— Гол, как сокол, — не построил «Высомол».

Тогда поднял руку секретарь партийной ячейки, которого Павел раздобыл на это совещание, и показал движением искалеченной токарным станком кисти, что он хочет говорить.

— Мы, конечно, поддержим инициативу Павла и затею комсомольцев (крики: «Ура комсомольцам!»). Но нужно организованно подойти к вопросу. Я не хочу обидеть товарища Лену, которая воскликнула, между прочим: «Божу мизань просижу на такой крыше, с фонариками, с лунной или... месляем?» (Смех. Аплодисменты.) Я хочу сказать вам, товарищи комсомольцы, будущие строители прекрасной идеи «Высомола» (волнение в зале. Крики: «Крышамол», «Нет «Высомол», «Нет «Крышамол».) «Хоть горшком называя, только денег давай», «Отставить, еще не утверждено»... я хочу сказать, что крыша — крыше, солнце — солнцем, луну — луну, а перед нами сейчас стоят огромной

важности задачи. Стоят они на земле, но нужно помнить их и здесь, и в завале, и дома, и на крыше. Если на нашей крыше, кроме воздуха и солнца, нам все будет напоминать о генеральной линии, о производственных задачах, о борьбе с прогулами, симуляцией, пьянством и так далее, тогда мы сможем сказать, что и крыша нашего завода стала комсомольской (бурые аплодисменты). Обрисим с комсомольской крыши, с молодежной высоты разложившихся и разгагающих лодырей и разгильдяев... (Странное затихие в зале. Потом шопот: «Как ебросим?»)

Тут все заметила, как горячо и быстро движется изуродованная рука секретаря, как-будто он этим движением сбрасывает кого-то с шестидесятиметровой высоты... Но, отпусив из стакана, оратор загворил тише:

— Простите, товарищи. Ваша молодая идея немножко улекла меня; я, конечно, фигурально сказал «ебросим» (крики «Мы так и попляли!» «Правильно!»). Я послал свою мысль: всех тех, о ком я говорил, нужно будет подвергать общественному бойкоту, временно отстранять от «Высомола», — это на них подействует. Вот этим всем и должен будет заняться штаб «Высомола». Потом, товарищи, еще один момент: шашей затей интересуются, уже интересуются взрослые рабочие. Нужно

будет сделать многого и для них, чтобы не сказали, что молодежь на крышу полезла кошкам хвосты крутить. Мы вам поможем в этой работе. (Аплодисменты. Реплика: «В какой работе — кошкам хвосты крутить?» Смех. Новые аплодисменты.)

Но опять затертым медным пятаконм звякнул вопрос:

— А деньги? О деньгах почему ты ничего не сказал?

— Я скажу о деньгах, — загремел Павел, и по комнатам прокатилось:

— Выдумай крышу, выдумай и деньги.

— Будешь начальником, будь и наркомфином.

— Я не возражаю против названия «Высомол». Так вот, «Высомол» — наш клуб. Прежде всего подержим его сами. Нам дадут деньги из культафона.

Правильно, — сказал товарищ Бруско, что нашей затеей интересуются взрослые рабочие. А раз интересуются, пусть помогают. Уже товарищ Хатюк дал нам материал для проводки света, и они с Дерягиным бесплатно помогут сделать освещение (бурые аплодисменты). А потом мы забыли о воскресниках.

Теперь все стало ясно, и уже не смеялась над разгоряченными головами пустая и голая крыша. Сразу стало тихо, и смешно прозвучал в этой тишине одинокий вздох невые-

«Лунные ванны на страшной высоте», — завадилась дружок и горячо обнял кресло.

домого футболиста:

— Эх! Нельзя так будет мяч поступать...

После омерзного взрыва хохота совсем тихо прошлестело другое опасение:

— Меньше только лампочек вешайте, а то луны не будет видно... И вообще...

В ответ на это прогремел голос безбонника:

— Цып! Лунатик.

... Так хорошо затеядся «Высомол», но...

(Продолжение следует)

„СМЕНА“ готовит ряд специальных номеров.
С Л Е Д И Т Е !

СТИХИ СЕМЕНА НИРСАНОВА

БУКВА ЭР

Если были
вы картавы—
значит,
знали
муки рта вы.

Я был
в юностях
картав,
ныла
бедная гортань,
шарахались
красавицы
прославленной
картавости,
не раскрываю
рта я,
и исхудал,
картавя!

Писал стихи:
«О, Русь, о, Русь!»

Произнесил:
«О, Гусь, о Гусь!»

И приходил
на стих
о грусть...

Семейный гусь.
Картавный гусь.

От сокласников—
свист:
«Медное пузо!
гимназист,
гимназист!
скажи «кукурруза!»

Вместо:
«Карл, офицер»,
ныло «Кагл, офицерг...»

Перерыл
медицинские книги...

Я ишу тебя, ЭР,
я зову тебя, ЭР,
в обессиленной глотке
возникни!

Без тебя,
дорогая,
весь мир сероват,
он—бескостной
осеннего ливня.

Осowellый язык
газ-дге-сиго-вать:
ти-ди-дди, ди-дди-ри-
ррифма!

Рифма!
Ррадость!
Уррра!

Ррреволюция!
Грррром!

Как горошинка,
буква забилась,
виноградною косточкой
сидилась вылезть
и горела
на небе моем,
разгоралась в гортани
жемчужиной черной,
ожерелья
рассыпанный перл...

Я-ж ходил,
прополаскивал
горло,

как борной,
изумительной буквою
ЭР!

И гортань растворивши
расщелиной трубною,
я провыл над столицей
трикрат.

«На горе Арарат
растет
красный и крупный
виноград!
виноград!
виноград!»

ЖАТВА

Мы работаем в краю
кос,
вил,
сена—
желто-пепельных гравюр,
где
туч
пена.

Мы, как кисти, рожь несем,
наш
холст—
лето!

Хорошо нести жнецом
сноп,
сноп
света.

От долин, долин, долин
туч,
туч
туши;

Косари бредут вдаль,
свет
звезд
тушат.

Кубы хижин, куб бугай,
стогов

кубы,
скот уходит на луга
жевать губы.

Где коровы плоский лоб,
калык
в зобе—

гонят медленных волов
цоб,
цоб,
цобе!

Проса желтую струю
на зель
сыпя—

кормят птицу пеструю:
цип,
цип,
ципа!

Косу до утра склепав—
жнец,
жнец,
жнища—
ждут, когда взойдут хлеба,

им
рожь
снится.

И ребячий ровен сон—
кукурузой—

к ним приходит Робинзон
зон,
зон
Крузо.

К ним приходит Робин-Гуд,
сон
не
тайна,

К ним подходит стук и гуд—
гуд
ком—
байна.

Чтоб под утро дождь босой
не смял
злаки,
под косой, косой, косой
ляг
злак
сладкий.

ПЕРВАЯ моя литературная дата—декабрь 1925 г., когда я со сменой белья и пачкой стихов приехал в Москву, познакомился со своими заочными учителями-поэтами и по самое темя врылся в поэзию.

Тогда единственным моим путем было экспериментаторство. В литературном эксперименте я видел самоцель, оправдывал стихотворение степенью изобретательности. Техника была моим божеством. Многое из этой работы вошло в книгу «Опыт», а большинство до сих пор не напечатано, так как неудобочитаемо.

И сейчас я понимаю поэтическую работу не как накопление «хороших стихов», а как бесперывную замену «хорошего» более совершенным.

Основная моя установка—стихи для произношения вслух. Умозрительной поэзии вообще не признаю и не понимаю чтения про себя. Поэтому вечный упрек «Лучше читаешь, чем пишешь, а читаешь замечательно»—отметаю. Плохих стихов замечательно не прочесть, а читателю стихов нужно уметь читать хорошие. Особенно критикам, забывающим о вокальной природе стиха.

Эксперимент и до сих пор занимает у меня много времени, отданного на поэзию. Я люблю слово, и у меня нет других книг, кроме филологических. Результаты экспериментирования переносу в печатающееся. Печатающаяся практика—газетные стихи, напечатано которых тьма-тем.

Сейчас несколько перемещаю плоскости. Я работаю над большой формой, но не в понимании Сельвинского. Меня толщит от пушкиноподобных стихо-романов. Я думаю о стихотворном очерке, мемуаре в стихах, об эпистолярной поэзии. Венки шарад мне кажутся современной венков сонетов. Пишу три больших вещи: «Письма», «Хлебный комбинат» и «Тайна». «Письма»—поэма о выборе профессии, «Хлебный комбинат»—поэма о теме заглавия. «Тайна»—пока еще тайна, так как скорпизна не только по формальным новшествам, но и по теме.

Центральная работа—«Хлебный комбинат». Делается поэма в двух планах. Фактический материал подается в виде очерков, действенные части—в фантастическом плане. Так, в главах о борьбе с вредителями сумма вредителей подана, как регулярная армия со своим штабом, генералами и пр. Примерно—авиация саранчи, саперы-суслики, бронезуки, танковые отряды червей. Вся эта мелкота гиперболизируется и снабжена речью.

Отсюда ясно, что и мелкие стихи затронуты этой темой. Работая над поэмой, я вижу, насколько недостаточно самое, что ни на есть изощреннейшее и высокое «литературное образование». Очевидно, литературный вуз должен быть не гуманитарным, а техническим. Я считаю, что литературное мастерство приобретается только личными усилиями, а литературный вуз должен дать студенту максимум разноразных знаний, он должен быть дилетантичен в хорошем смысле этого слова. Поэт современно должен быть максимально заострен техническими и общественными знаниями, иначе он будет гирей на ногу современя. Потому к моей филологической библиотечке прильнула агро- и общетехническая.

Говорить о содержании или тематике нечего. Я просто считаю себя включенным в реестр ресурсов пяти-

С. КИРСАНОВ. Выступление на вечере читателей нурнада «Смена».

летки. Вне непосредственного участия в революции и строительстве, жизнь свою и работу считаю бессмысленной. Всяду, где потребно усиленное рифмой и темпом слово, я нахожу для себя поле действий. Писал лозунги пионерскому слету, по заданиям ПУРА—красноармейские марши, по заданиям газет—стихопередачи и фельетоны.

Но экспериментальная работа остается для меня абсолютной необходимостью. На следующий день после отказа от нее я не сумел бы написать даже строки.

Очень люблю Асеева. Асеев, пожалуй, единственный из поэтов, не затормозивший себя. Его последние вещи более «юношеские» (что значит для меня наиболее совершенные), чем предыдущие. Я знаю, что Асеев вообще не кончается, а всегда начинает по-новому, оставаясь Асеевым.

Маяковский такой большой поэт, что я боюсь к нему притрагиваться. Он самый хороший поэт.

Эти два поэта моя школа. Школа эта заключается не в «подражании высоким образцам», а в преодолении их. Литературная независимость—высшее из качеств поэта. У классиков не учусь. Состою членом группы «Реф».

Я пишу много. Лучшее войдет в новую книгу «Слово предоставляется Кирсанову», остальное поступает в переработку.

СЕМЕН КИРСАНОВ

БЛАГОДЕЛСВИЯ

ДМИТРИЕВА И ЯНА НОВАК

Оттон. Я его поймал, г-н начальник. Я его почти поймал... То есть очень скоро я его поймал...

Осеи. Леопольд! Пусть он уйдет. Кто же это? (Дергает в руках портретаря, машинально вытаскивает Леопольда, отговливает их...)

Леопольд. Кого, Осеи?
Осеи. Их! Мехи! (Положила портретар на полотнохи!) Выходи, ну...

Александр. Ну, и уходите...

Оттон. Нет, вы подождите... То есть мы очень просим вас подождать... Г-н начальник, мы его поймали очень скоро...

Осеи. Бросьте! (Берет Оттона под руку.) Вы, ведь, как-нибудь отсюда! Сломает, ну и пусть сломает. Вот и инспектор говорит, что он не находит на нас никаких... И давайте вселиться!

Оттон (вешиво, но настойчиво высоблаживаясь). Но настолько высоблаживаясь! И несладко, но я сказал, что мы его поймали.

Осеи. И хорошо. Уи вы то его поймаете! А сейчас ступайте! Или ступайте в Гортензий. Гортензий, вот наши мехи хочет с вами танцевать! Ну, идите сюда...

Инспектор. Bravo! Пусть танцуют!
Осеи. Правильно! Гляз у него сладба, пусть танцует. А?

Оттон (выражает все истощенней). И потанцует...

Осеи. И никаких денег. Бери его, папа, и пусть он танцует. Я буду с вами танцевать. Уи, слышите, вы г-н Шваб... Или вы не хотите...

Осеи. Не хочу с вами танцевать. Я сделаю сейчас кое-что и я весь к вашему услугам, фрейлейн...

Осеи. Ра-моя! Гляз хочет с вами танцевать, раз она икает с вами танцевать...

Александр. Осеи! Поддем. Зачем ты?...
Осеи. Какой медведь... Не очень-то поддем. Если медведь. Какой вы из агентов?

И удавильно (говорит она это в сторону Александру), как вы успели надеть такую преставу, эти мехи и наручники... Вы так неподвижны, что он мог убейте... вполне мог...

Осеи. Но теперь он не убежит... Вы хотите знать, как он убежал. Я вам расскажу. Это было на углу Вейцелройдтрассе. Так, ведь? Я говорю—эта демонстрация и все остальное случились на углу Вейцелройдтрассе...

Александр. Демонстрация... да...
Оттон. Какой-то человек из толпы, на зрелище, он услышал имя человека, который исполнил свои обязанности... Так?

Осеи. Тыслуя раз это слышали все... Он заглянул девушку и бросил... это. Мы пришли на свадьбу, а не в полицию... Правда, Леопольд? Вы депутат и слышите его, что это... неприлично, наконец. Поезд вечер он только и знает, что кричит: «мы его поймали, мы его поймали»... Идите, папа, Леопольд, Александр... И иделько, что этот слышит позвонит нам уйти...

Оттон. Вы напрасно волнуетесь, фрейлейн... Так я говорю, он бросился защищать девушку... Кстати, он был одет (смотрит на Александру и перечисляет принадлежностей его костюма, коричневые ботинки с зашнуровкой... брэн... Ну, обыкновенные брэнны, тотон... из архитектуратора...)

Кейсет. С маянкетам...

Оттон. Пилвак тоже такой... серый...
Кейсет. Это двубортный пилвак...

Кейсет. Это двубортный пилвак... В фетровой пилве... Очии, черные роговые очии... Вот как у г-на оратора... Дайте-на ваши очии (снимает у него очии).

Осеи. Леопольд, папа, идельте... Александр, идельте отсюда прочь. Да идельте ну... Это как-то странно комедия...

Осеи. Брось! Иди и говори, что это комедия. Раз я пришла на свадьбу, раз... То есть в чем дело. А?

Александр (бросается вперед и дери, но ему наперекор ринулся Оттон).

Оттон. Одиу мунду, г-н архитектор!
Александр. Что вы надю? Вы не имеете права меня останавливать, или я?

Осеи. Леопольд, папа, идельте... Александр, идельте отсюда прочь. Да идельте ну... Это как-то странно комедия...

Осеи. Брось! Иди и говори, что это комедия. Раз я пришла на свадьбу, раз... То есть в чем дело. А?

Александр (бросается вперед и дери, но ему наперекор ринулся Оттон).

Оттон. Одиу мунду, г-н архитектор!
Александр. Что вы надю? Вы не имеете права меня останавливать, или я?

Осеи (бросается к Оттону). Вы не должны слышать, вы не должны дергать его...

Осеи. Не должны. Так долден. Так долден в контору Гейнике. И я поймал его. И заглял его на баллон и там схватил его. Это очийстай черт удавил меня в честь! Но тут неподвижен очийстай и мы сиротуи мелодична. Я видел ему крошья-гиганты, zipper их. Поправил ему швыну... Ты бил до? (Александр молчит.) Так! Я-то помню!

(В дверях появился Ф р а н ц. Он в расстегнутой рубашке, без пиджака.)

Франц. Что вы раскричались?
Осеи. Франц... Это наш агент, слышите, Франц!

Оттон. Я проеунула ему под руку пальто. На одию секунду и отпустила этого человека. И Осеи на него бросилась с прыгуньями и шпайни. Там еще шумела тогда негодная из их шпайни. Конечно, они помогли ему скраться. Так? (Кричит.) Тут Осеи! Я помню...

Александр (вдруг вынул из двери) Пусти!

Оттон. Одно мгновение... Покиньте руки, г-н архитектор...

Осеи. Знаем, вам его руки... Мы уходим, мы...

Франц. Из погреба, это ты его привел из погреба. Ах, слыши!

Оттон. Пусть он покинет руки...
Александр (отходит к отцу). Уи не покину вам руки...

Оттон. Покините... (Бросается на него, но между ними возникает Осеи.)

Осеи. Беритесь! Беритесь! (В ее отпугнувшись. От того остану видеть.)

Осеи. Револьвер! Я видела револьвер! Александр (указав на портретаря, схватил его, обернулся ко всем) Стрельно! Сейчас я буду стрелять...

Осеи. Так вот он кто!...
Александр (отходит к отцу)...

Оттон. Какой там револьвер! (Бросается к Александру за его руку уцепилась Осеи.)

Александр. Он и не было у него! Гаша! Тыслуе мои! Я не могу обить женщину. Проститеся. Снять пальто. Высортировать. И прыгнула от удивления, как будто на них проналя. Я несу их вперед—каменные руки, два прикованных друг к другу рабочица кидельте лучше. Ему ударило пальто рогот. Воню, воню, воню. А ч очии! Гаша-сухие волни окуряют меня. Счастье очийстай человека, схватившего меня за руку. Воню унни. Воню мекси. Самые простые, самые легкие. Булавна. Пуговица. Видна. Все ушло. Вот эта гашина меня заперла. И все, все, все! Вот почему ополчился против меня. Вы все зверье!

Осеи. Ухоти!...
(Ф р а н ц и точно осекло. Он убегает из комнаты.)

Оттон (вырвался из рук Осеи и Гортензии). Ты инкула не уйдешь...

Голоса. Кричел! Хватайте его! Вырви револьвер!

Оттон. Брось револьвер!
Александр. Пусть, слышия (портретар с шумом падает на пол и в это же время гашнет свет.)

Голоса. Караул! Он убьет его! Свет, дайте свет! Убейте! Заняйте хоть спичку (кто-то побежал).

Оттон. Где вы? Дерните его!... (Звонящие огорки появляются в темноте. Кто-то закладывает зажимы. Шум, хлопнула дверь.)

Оттон. И помню его... (Убегает).

Гортензия. Это зямлчии, он убьет тебя... (Вильгельм Обер с заженной спичкой подходит к Осеи.)

Гортензия. Это зямлчии, он убьет тебя... (Вильгельм Обер с заженной спичкой подходит к Осеи.)

Гортензия. Это зямлчии, он убьет тебя... (Вильгельм Обер с заженной спичкой подходит к Осеи.)

Гортензия. Это зямлчии, он убьет тебя... (Вильгельм Обер с заженной спичкой подходит к Осеи.)

Гортензия. Это зямлчии, он убьет тебя... (Вильгельм Обер с заженной спичкой подходит к Осеи.)

Гортензия. Это зямлчии, он убьет тебя... (Вильгельм Обер с заженной спичкой подходит к Осеи.)

Гортензия. Это зямлчии, он убьет тебя... (Вильгельм Обер с заженной спичкой подходит к Осеи.)

Гортензия. Это зямлчии, он убьет тебя... (Вильгельм Обер с заженной спичкой подходит к Осеи.)

Гортензия. Это зямлчии, он убьет тебя... (Вильгельм Обер с заженной спичкой подходит к Осеи.)

Гортензия. Это зямлчии, он убьет тебя... (Вильгельм Обер с заженной спичкой подходит к Осеи.)

Гортензия. Это зямлчии, он убьет тебя... (Вильгельм Обер с заженной спичкой подходит к Осеи.)

Гортензия. Это зямлчии, он убьет тебя... (Вильгельм Обер с заженной спичкой подходит к Осеи.)

Гортензия. Это зямлчии, он убьет тебя... (Вильгельм Обер с заженной спичкой подходит к Осеи.)

Гортензия. Это зямлчии, он убьет тебя... (Вильгельм Обер с заженной спичкой подходит к Осеи.)

Гортензия. Это зямлчии, он убьет тебя... (Вильгельм Обер с заженной спичкой подходит к Осеи.)

Гортензия. Это зямлчии, он убьет тебя... (Вильгельм Обер с заженной спичкой подходит к Осеи.)

В. Дмитриев.

АВТОРЫ О ПЬЕСЕ

Человек со связанными руками, человек в наручниках—это традиционный сюжет в западной пьесотворе. Роман Лео Перуна Прыжок в неизвестное, рассказ Эрвина Кобба «Четыре миллиона и пара наручников», ряд английских и американских романов—это произведения, герои которых скваны наручниками. И это же положение—в основе наших пьес.

Западные писатели используют это острое положение (человек заперт) только формально. Это тот фокус, с помощью которого писатель разрешает (и часто мастерски разрешает) множество сюжетных задач. В их вещах есть и есть протест, то голос их направлен в безвоздушное пространство, голос, исполненный больше скорбью, чем ненавистью. Они ограничиваются протестом против наручников.

Инсценировка вещи с таким бесплодным, наимынным протестом попросту, по нашему, не мучна.

Сюжет пьесы вкратце таков:

Александр Говь—молодой архитектор—пылал на конкурс проект огромного и очень важного для страны здания. Знание это называется «Дворец благодетельства». За день до объявления результатов конкурса с Александром произошло событие, совершенно изменившее все обстоятельства его жизни. Он был по улице. Мимо проходила коммунистическая демонстрация. Польнейше пытался расозлить, раскритиковать. Один из них стал грубо отговать у деушгашена и ударил ее. Александр, как и многие аладеушгашенские, да и российские, интеллигенты, был очень великим аладеушгашенцем, вылетал только своей шкуркой. Но при том ударил девушку, и он выступил. Александр толкнул полицейского, тот улет и раскричал себе череп о тротуар. Александр схватил на него наделу наручники. В последую минуту си вырвался и бежал. Но, вырвавшись от полицейского агента Оттона Шваба, он не вырвался от государства. Государство отняло у него руки.

Силой вещей Александр очутился на свадьбе агента полиции, который его запер и от которого Говь убежал.

Пьеса написана по заказу Московского драматического театра (б. Корн).

«СМЕНА»
готовит ряд специальных номеров.
Следите!

МАНЕВРЫ АРМИИ НИМ'а

Статья ДМ. ЛЕБЕДЕВА

В БЕРЛИНЕ веддингские комсомолы несли плакаты: «Мы — один из батальонов Красной армии». В Шанхае разбрасывались листовки с призывом защитить Советский Союз. В Праге, Варшаве, Стокгольме, Афинах, Ковно, Гельсингфорсе, Вене, Вазеле, — во всех городах мира, где рабочая молодежь вышла 1 сентября на улицы, лозунг защиты Советского Союза был одним из главных лозунгов демонстраций. Одна мысль, одна задача: отстоять отечество всех трудящихся от империалистического нападения. Удивительно ли, что испытанные в боях русские комсомолы отметили МЮД сбором средств на поддержку революционного подарка СССР — трактора. Индустриализация СССР — дело международного пролетариата, и он хочет принять в ней активное участие.

Пятинадесятый МЮД стал днем международной демонстрации в защиту Советского Союза. Как и первый МЮД в 1915 г., он был направлен главным своим острием против империалистической войны. Но тогда рабочая молодежь демонстрировала против разразившейся войны, против физического истреб-

ления трудящихся. Тогда еще в рядах даже передовой революционной молодежи были шатания, была вера в то, что империалистическую войну можно предотвратить протестами и призывом к разоружению.

Пятинадесятый МЮД показал, что сейчас в рядах революционной рабочей молодежи нет этих колебаний. Сотни тысяч рабочей молодежи вышли на улицы капиталистических городов, чтобы заявить, что не избежат и в условиях капитализма грабительскую, империалистическую войну они превратят в войну гражданскую. И подобно тому, как всякая империалистическая война сейчас будет сопряжена с угрозой нападения на СССР, так всякая гражданская война будет оборонительной войной международного пролетариата, защитой Советского Союза.

Лозунги МЮД стали лозунгами революционного действия; МЮД, как и все комсомольское движение сейчас, является правдником революции, правдником наступления рабочего класса, призывом к свержению капиталистического строя и, следова-

тельно, прямой и изменой «всему» капиталистическому интересам мировой революции. Советского Союза является главным поддогом.

Китайские комсомолы показали это на деле. В тяжелых отношениях между китайскими генералами они «своего отечества», а к сопротивлению против буржуазии и новых войн.

Германские пионеры ного комсобра Советского лагеря под Берлином. Германские пионеры втянут себя боевым батальоном по первому зову в советских границ. Запрещены на полицейские заставы и в Берлина, чтобы подтвердить делу мировой революции Советского Союза.

Буржуазия встревожена этих настроений молодежи. Социал-демократические лжедемократы, она пытается «замолодеть». Жалкая попытка полицейские отряды неосторожные у ворот капиталистических стран свою готовность. В Праге арестовано 125 человек, в Ковно — 7. В Варшаве, форсе также произведены в Шанхае. А сколько на основании газетной информации ценова по улицам, разгоняющая всякую, что осмелилась «замолодеть» польской плеткой.

XV МЮД не был только революционной вылазки против капиталистического империализма, но и революционной молодежи всего мира.

Мобилизация прошла успешно, могла дать «стопроцентной» странам комсомолы еще слава начинать борьбу за большинство. Но НИМ и не собирался близким эффектом. «Сборные пункты» даты революционной армии вую тревогу, дезертиров не было в Берлине, — это ли не о революционного подвига? Естественно, в ряде стран его делено, но железные законы и умолимой последовательности является новыми, все более...

На баррикадах Восточного молодежи и комсомолы драмиками, ветеранами революции был устроен на улицах Берлина местх первомайских баррикад виртуоз эту готовность германской примиримой борьбе за дело.

Под знаменем революционной шла на улицы и молодежь Советского волюнционного наступления в мы, чем революционное наступление в чужих странах. У нас оно волю рабочей молодежи к чужескому строительству. У нас только против неизжитых элементов нашей страны, неизжитых косточки, невежественного отношения к труду, хлипкости, нецивилизованности и организованному труду. В напряженного внешнего по СССР вылился в грандиозную готовности пролетарской молодежи.

На знаменах МЮД появились лозунги, а революционно-демократическое наступление

Инциенировка-нарикутура на составные элементы буржуазного строя: религию, милитаризм и фашизм и их ставленников — социал-демократов. На плакате надпись: «Мы защищаем капиталистов и помираем коммунистов». (Берлин.)

о й этому строю. Измена ому «отечеству» во дни оции, во имя защиты Со- величайшим революцион-

и, китайские коммунисты момент наиболее напря- Советским Союзом и нап- призывали не к защите щите Советского Союза авительства, против «со-

иен. Вспомогательный, воен- го Союза, назвали свой анские комсомольцы обя- алосом. Красной армии, выступить на защиту со- ный юнгштурм, несмотря ватрули, вышел на улицы свою присягу в верни- ции, лозунгу защиты Со-

и этом ростом революцион- и. С помощью своих сое- она усиливает пресе- авугата» революционную

ка! В Варшаве и Ковно ступили демонстрантов, ижеских торем демон-

к революционной борьбе, емонстрантов, в Грешин- е, Стокгольме и Гельсинг- аресты. Много арестов

их еще не сделались ло- щии! Везде полиция гар- я демонстрантов, аресто- ся высказывать недоволь-

ько демонстрацией. Это ака армии КИМ, смелый спорядку. Это была проб- онных отрядов рабочей

спешно. Конечно, она не явки, ибо во многих лаб, в других он только

ство рабочей молодежи. плеснуть дешевым, пока- зунуть» были полны: сол- дати КИМ выполнили бое-

шло 25 тысяч демонстран- свидетельство растущего Этот полдем идет нера-

движение более заме- истории действуют о не- то: армия КИМ попол-

аженными отрядами. а Нейкельна рабочая рались бок-о-бок со ста- ционной борьбы. XV МЮД

идинга и Нейкельна, на ика. Рава не символи- ланской молодежи к не- ю коммунизма?

онного наступления вы- овского Союза. Но ре- СССР имеет иные фор- тупление в капиталисти- выражает непреклонную

— От ударных бригад к ударным цехам!

— Стопроцентная подписка на III заем индустриализации!

И самый спокойный, самый уверенный:

— Войны не хотим—к бою готовы.

Военизированные отряды комсомола, военизированные походы, организация «Кимкоманд, физкультурные состязания—все это показатели нашей боевой готовности. Ленинградский комсомол объявил себя мобилизованным. Тысячи комсомольцев изо дня в день посылают в комсомольскую печать, в Революционер, в ЦК комсомола заявления с просьбой зачислить их в добровольческую печать. На местах формируются добровольческие боевые единицы.

Оборона социалистического отечества от интервенций, от империалистических нападений неразрывно связана с нашим социалистическим наступлением.

Но то же мы видим и в международном масштабе.

XV МЮД прошел во всех странах капитализма под знаком революционного подвига, мобилизации сил, взрывающихся изнутри капиталистический строй, защиты Советского Союза. XV МЮД в СССР прошел под знаком роста социалистических элементов нашей страны, мобилизации миллионов на дело социалистического соревнования, укрепления нашей готовности к обороне.

И там и здесь—под знаком революционного наступления.

Германские пионеры на демонстрации.

ДЕНЬ ЛЕВУШКИ ЛОМОВА

Рассказ М. ШТИТЕЛЬМАНА

Рис. С. П.

НАПРОТИВ школы — церковь. Высокие купола в небо поднимают крестами. А кресты в снегу. Лицом к школе червячий Иисус — не боиственный у него вид: под носом снежные хлопья, солнце их греет, и тают они.

Левушке смешно: «А еще бог!» На минуту он останавливается, задумывается, только на минуту: «Как быть с богом? С богом — дело простое. Буду верить на всякий случай, особенно, когда отвечать геометрию. Что там, коли есть, пусть и он помогает».

У самых дверей школы Левушка встречает папа, божьего полпреда на земле. «У-у-у. Черти носят космонавтов!» — И Левушка короткими, овечьими глазами, глядя на святого папу, принимает меры предосторожности, слезивается три раза, потом уж входит в школу.

Он сидит на третьей парте. Три четверти профиля. Потому что анфас не интересный и в углу сидит Липочка. «Ли-ли-почка» — пишет Левушка.

— Ломов, вы что записками бросаетесь? Идите отвечать геометрию.

— Я не буду отвечать.
— А я буду ставить Н.У.
— Да я по домашним обст...

Звякает звонок. Обрывается тяжесть в груди. Становится легче Липочке.

Она подходит к нему.
— Почему не отвечал? Не выучил?

— Я не выучил? Да я целое утро зубрил, — врет Левушка. — Я не отвечал, Липочка, принципиально.

На втором уроке он получает записку: «Налички чти-нибуду на память. Л.»

«Что ей написать?» — морщит лоб Левушка.

Ты прекрасна, словно роза,
Но есть разница одна:
Роза вянет от мороза,
Ты-ж, Липуня, никогда.

Липочка рада. Альбом толстее... Левушка рад. Все про него говорят:

— Вот.
И Левушка говорит:
— Про людей не пишу — молчу, лучше про тучи, сирень и ночи.

Милая, прекрасная,
Лазурная — атласная
Ночь —
Дочь
Земли.

Поэзия прерывается. Подходит Левушкин друг Нович.

— Новость: зав — коммунист.
— Что ты? Ну пока. Я побегу.
— Ре-бя-та! Шшша-шу!
— Новость: зав — коммунист!
— Котова хлеба лишили.
— Нам, беспартийным, что делать?
— Е могилу левть...
И Левушка летит дальше.

— Ребята, новость! Зав вместо рождения дней отдыха не дает.

— Нас грабят! Нам голову морочат!
— Зови завя.

На урок приходит зав. У него лицо, под четк костюма, серое. У него брезгливая улыбка, может быть, он слышал Левушкины крики. Он скуп на слова.

— Кто меня знает?
Левушка размышляет: «Что я, казенный выступаю за всех? Еще влетит».

Молчит Левушка. Говорят другие. Спокойно и просто он отвечает зав.

— Согласны, товарищи?
— Со-глас-и-ны!

И ушел. Идет урок. Тихо. Но вот звонок раскатывается, рождая шум. И на Левушку, смеясь, кидаются ребята.

тельно на глав-информатора Новича и буркнул:

— Ну?

— Что «ну»? За в первый же день потребовал рабочей идеологии. И кричал...

— Нас... задулочно заявляет Левушка... — хочет заново похоронить.

Смы бывшего члена управы целист: — Не понимаю... чем... мы... виноваты... что наши... родители не пролетарии. И, наконец, не могли же они тогда знать, что это будет выгодно для их сынов.

— Вот, вот именно! — разводит руками Левушка, — дело наше плохо, нужно приспособляться. Спеться проще. Нужно закрыть глаза временно. Уверю вас — плотина прорвется...

— Господа, — поморщив лоб, говорит Липочка, — довольно о политике. Ха-ха... мне третьего дня папа сказал: «В комсомоле первое место рабочим, работа... прочим».

Все смеются.

— Во что будем играть? — спрашивает Нович.

— Даешь флирт!

Нович и Лева, Лева и Липик, Сеня и Ката, Вита и...

Вита — нейтралитет.

Его пара почему-то опоздала. Чорт возьми, придется одному сидеть в кресле.

Левушка — Липочке:

Г и а ц и н т. Ваши глаза сверкают, как рубины!

Липочка — Левушке:

Г е л и о т р о п. Люби меня, как я тебя, и будем мы друзьями!

Левушка — Липочке:

Г о р т е н з и я. Я люблю тебя, моя комета, но не люблю твой длинный хвост.

Липочка — Левушке:

Р о з а. В любви преграды не страшны.

Левушка — Липочке:

М и м о з а. Чтобы раз поцеловать, готов жизнь я отдавать.

Липочка — Левушке.

Левушка — Липочке...
Потом в марки.

И Левушка бегит в соседнюю комнату, крича поуталовно:

— Дашь сюда Липочку!

Но приходит Липочкина мамаша, и нужно снимать юбку.

Левушка идет рядом с Новичем.

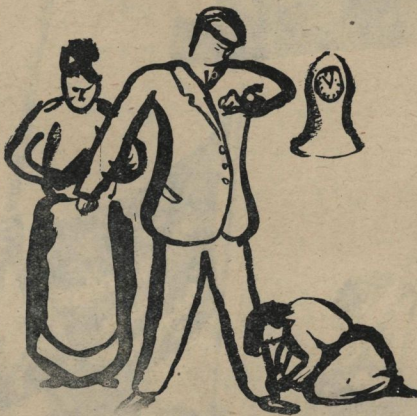
— Ты не можешь себе представить, как я люблю Липочку! — а потом, громко, у двери:

— Насчет политики — слушай, нужно им показать, что мы хотим работать, а они отворачиваются и поспрают на задворки. Ну, прощай!

Уже все спали. Левушка вошел в дом. На его столе лежала истрепанная геометрия. Брр... Неприятное напоминание.

Левушка, поморщившись, бросился в перинные объятия...

Завтра будет опять день, и Липочка, и вечер. От завтра опять потекут дни, похочие друг на друга, как медные пяточки.

Мама, Шурна! Где платок?..

— Ломов, ты что-ж, кашу заварил, а сам прикрылся хвостиком?

Но Левушка знает, как отвечать.

— Вам бы все, чтобы один говорил. Сами сидите, молчите. В кармане шшиш показываете. Трусы!

По дороге домой Левушка решает: «Политика ясна. Здесь (с учениками) кричать, там (где зав) — молчать».

Дома Левушка наскоро обедает. Еще много работы. Спеть пультвер. Наладить галстук, пробор, развуть пудры.

Скорей! Скорей! Жует елда мясо.

— Мама, полотенце дай. Завязать голову, чтобы гладкие волосы.

— У-туг! Выужожить брюки.

— Мама, Шурка! Где платок?

— Сахар... Песок...

— Платок... Черти... Живей!

Левушка торопится. Ох, он опоздает! Липочка поднимает радостное лицо.

— Бежим в столовую! Там нас ждут. Их яжали. Вошедши, Левушка отвисил обидный поклон, посмотрел вопро-

РЯБЧИК

Рисунки С. ДНЕПРОПЕТРОВСКОГО

Рис. С. ПРУСОВА

I.

РЯБЧИК был пятнистый, как леопард. У него была смуглая кожа, но места она смотрела розоватыми оазисами нежной, но шершавой кожи.

Лицо рябое у него было похоже на мордочку хорька, движения были неуверенные, но пластичные.

Рябчик облезал. Его кожа, как, например, на калыке и руках, шелушилась. Из-за этого его прозвали Рябчиком. Настоящая же фамилия его была — Рябченко. Он даже не понял, почему его назвали Рябчиком, и ему казалось, что это для сокращения и дружелюбия его так называют.

Когда Рябчика спрашивали, почему у него облезает кожа, он с сокрушением выкладывал свое горе:

— Болесть такая: кожнаяная.

Рябчику сочувствовали. — А ты обратись к доктору по венерическо-кожным болезням.

Рябчику давали адрес, он шел к врачу, но пятна не сходили.

Рябчик был по национальности украинец, но картавил, и вообще был похож на еврея. Это, в силу старых традиций, его почему-то шокировало, но Рябчик жил.

Ваня Рябченко был комсомольцем. Он аккуратно улачивал членские взносы, аккуратно посещал собрания, не нес ни одной нагрузки и однажды спросил у меня:

— Э, скажи мне, что такое «легкая кавалерия»?

Я был поражен. Человек не знал, что такое «легкая кавалерия». Комсомолец Иван Рябченко, по прозвищу «Рябчик», заигривал меня, и, чтобы выяснить его развитие, я с серьезным видом ответил:

— Это ГПУ, но в отличие от ГПУ ты всегда на лошалях.

Рябченко был вполне удовлетворен и в знак этого по обмыванию заморгал глазами.

Позже я объяснил, конечно, Рябчику сущность ЛК, но этот случай заставил меня познакомиться с Рябчиком гораздо ближе, ближе потому, что в каждом цехе есть свои «рябчики» — жертвы для насмешек, люди, которые никого не трогают, которые с болезненной усмешкой выслушивают все насмешки и обиды и которые считают, что

так уж им на роду написано — быть мишенью для острот и колкостей.

В каждом цехе, в каждой мастерской, в каждом коллективе есть «рябчики». Они стоят бочком от жизни, хотя и интересуются ею; они боятся сказать слово, хотя у них есть очень много слов, которые им необходимо было бы сказать; они очень усердно посещают все цеховые собрания, но их никогда не видят, никогда не замечают, потому что они забываются в угол, молчат и усердно наблюдают людей, не обращающих на них внимания.

«Я человек» — почувствовал Рябчик...

II

Рябчик поступил в цех четыре года тому назад. Тогда электрический цех только разворачивался; брали некавалифицированных людей, обучали их монтерскому ремеслу, потому что не было квалифицированной силы.

Рябчик попал сперва к мастеру Скрипнику. Рябчик был таким же, как и теперь. Рябчика, как говорят в цехе, затрутали.

Как?

У Рябчика не было смелости, он не мог лгать и боялся говорить с мастером.

Плохо исполнялась работа — бригада в один голос говорила:

— Рябченко виноват, он плохо работает.

Мастер ругал Рябчика, а он, переминаясь с ноги на ногу, виновато моргал и улыбался.

— Ах, Рябченко улыбается?

И Рябчик в наказание был послан на черную работу по перевозке моторов.

— Рябченко смолчит.

И Рябчик смолчал: он начал работать внаповоду — перевозил моторы. На перевозке моторов случались неполадки; виноват был Рябченко, и его ругали.

— Ты, дай закурить.

Рябченко картавил. Его дразнили и приказывали:

— Ты, дай закурить!

Разве Рябчик мог отказать закурить? Нет. У него были папиросы «Лягушатки» коцона на гривеннике, и он давал курить.

Рябчик был на побегушках, на Рябчика сваливали все провинности бригады, а Рябчик молчал. Рябчик был:

— Чужной парень.

И никто не обращал на Рябчика внимания.

Он приходил в цех ровно за пятнадцать минут до гудка и садился на скамейку поодаль от товарищей по работе. Ему не хотелось уже обращать на себя внимание и слушать лишние насмешки.

Гудел гудок — и Рябчик шел на работу. Он молчал и не смел говорить с бригадиром.

Гудел гудок на завтрак — и Рябчик сидел на скамейке и ел сало с хлебом. Перед ним дымилась кружка чаю.

Монтер из другой бригады искал кружку; монтеру хотелось пить чай, но у него не было ни кружки, ни чаю, ни сахара.

Товарищи обещали монтеру это питьё, но только после того, как они им удовлетворятся.

— Положи, выпью, потом дам.

Но монтер замечал Рябчика. Он подходил к Рябчику, спойкой брал у него, под обидный хохот, кружку, и Рябчик тоже смеялся:

— Это должно быть так.

Кончался завтрак, монтер отнесл Рябчику кружку. Но бригадир не позволил уже Рябченко пить чай:

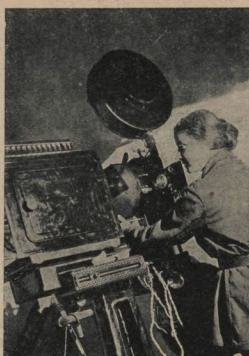
— Гудок был! Идем: раньше нужно было пить чай.

И Рябчик оставался без чаю.

Рябченко по его «великой просьбе» перевели опять на квалифицированную работу.

Рябчику стукнуло, какникс, двадцать лет, и он решил жениться.

(Продолжение на 16 стр.)

ПЕРВЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЭКРАН

ГРУЗИНСКАЯ, 51. Одиннадцать человек от центра. Торгов укрощает бег—остановка трамвая. В электричестве плывится угловое здание. Из широких дверей вырывается шалаком тянется нескончаемо серая масса.

Лава света... Лава народа... Лава стремлений...

Для чего и куда столько народа? Сегодня открылось первое в Москве комсомольское кино «Юнгштурм».

Если бы наше любопытство проявлялось не только по исключительно важным и сенсационным моментам, но хотя изредка задевалось обычной прозой, то несколько месяцев, а возможно и лет, назад подобный «любопытатель» на месте нынешнего «Юнгштурма» нашел бы совсем другую картину: частная пивная «Красная ласточка», или носительница еще более ультраидеологического наименования бурно и беспокойно грани-

чила бы с местным кинотеатром «Экспресс».

Соседство было весьма приятным, поскольку два предприятия друг друга серьезно поддерживали. В «Экспрессе» шли такие картины, после которых единственным исходом являлось немедленное посещение кабака и, в свою очередь, в кабаке так перепивались, что итти оставалось только в «Экспресс».

Толпы хулиганья, проститутки, зычная брань, драки—вот непрерывное и бесплатное приложение, сопровождающее всякого, кто в районе Сенной и Грузинской «слишком поздно» вздумал ходить.

Эта история 20—24 и даже 29 годов. И вдруг—дом! Недавний факт—ныне миф!

«Красная ласточка» частью рушится, частью переделывается, а в общем пристраивается к бодрствующему «Экспрес-

су» и вот к 1 сентября 1929 г. перед нами совсем новое здание. Но дело, конечно, не в этом. Мы часто строим целые кварталы новых домов, переносим или оставляем в них старую жизнь, уклад и быт. Дело в том, что в новом здании появились новые, доселе неизвестные, люди, а следовательно и дела.

Эпиграфом к открытию новой главы нашего культурного и к тому же молодежного завоевания послужил МЮД. В этот день, когда вся молодежь Союза горит пламенем своих знамен, когда ряды демонстрантов вызывают у «них» гримасу откровенного неудовольствия и негодования, коммунистическая молодежь Москвы еще раз убежденно и настойчиво продемонстрировала свой культурный рост открытием своего комсомольского кино.

Скромно, пожалуй, чересчур даже. Без собрания, попросту. В первый раз белое полотно омылось нахлынувшей волной ленты, и сила великого негомого моментально схватила переполненный зал. 550 мест заняты молодежью. 550—в своем кино.

— Ура!

Кто это кричит? Что за хулиганство? Но кто имеет право запрещать кричать? Когда кричат все.

Кричит оркестр, кричит полотно, кричат еще пахнувшие краской стены, двери, стулья, потолок, пол, лица, чувства.

Все... в-с-е... понимаете—в-с-е!

Кто смеет? Ведь, это радость, а радоваться может каждый, тем более все.

Оркестр доходит до патетического конца, и в этот момент интересная и живая фабула нового комсомольского фильма завершается лаконично—конце. После темноты полотно кажется белым. Наотмашь двери, конец сеанса, антракт. Свободен от стихии и страстей, теряющих тебя во время картин, в голову приходит мысль—как, кто и по чьей инициативе все это сделано и придумано. Если бы в России было недурное правило заводить мемориальные доски, то мы бы, безусловно, прочли: «Основано 1 сентября 1929 г. по инициативе Красно-Пресненского района комсомола в день Международного юношеского дня».

Ну, и это все?

А подробнее?

Подробнее... театр вмещает 550 мест. В день своего открытия дал 400 рублей. Кино обслуживается не только комсомольскими фильмами, но и комсомольским штатом. Оркестр составлен из комсомольцев—студентов консерватории. Механики—комсомольцы, контролеры—комсомольцы, администратор—комсомолец (бывший курьер).

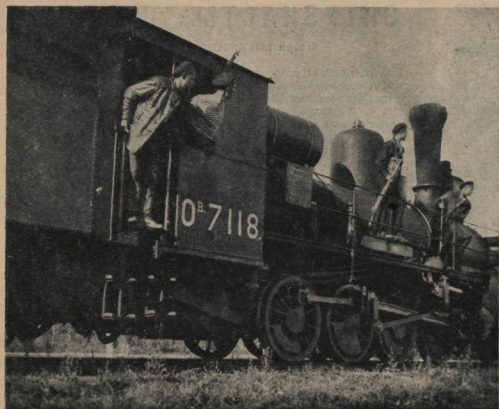
Помощник заведующего—комсомолец, взятый с производства слесарь. При кино—читальня, шашки, шахматы. В скором времени здание будет расширено за счет присоединения соседних построек. Его приваживание—быть не только величественным предприятием, но и явиться культурным очагом, объединяющим молодежь.

— Пойте, а то уже потух свет! И действительно, второй сеанс первого представления начался. И опять белое полотно омылось волной ленты и 550 снова плывут по простору задорно-волнующей фабулы. Завтра будет то же. Иначе—кино «Юнгштурм» функционирует.

БОРИС ВОЙТЕХОВ

В следующем № „СМЕНЫ“ найдете богатый материал о бытовых коммунах

- А. Мар—Зеленя * Вл. Зыбин—В 10 на Благуше *
Э. Гард—Фабрика нового человека * М. Андр.—Борьба за коммуны * Гр. Ремнев—Дай пять! * Вл. Соловьев—Визит к врачу (стихи) * М. Снежин—Высомол (повесть) * Сем. Днепротровский—Совершенно секретно (рассказ) * Вал. Суханов—Сквозь запретную щель * Милашевский—Штиль (очерк) и др.

„КОННИЦА СКАЧЕТ“

(Ленинградская фабрика Совкино)

ОТКРЫВШИЙСЯ первый комсомольский кино-театр «Юнгтурм» выбрал для начала своей деятельности новую картину молодого ленинградского режиссера Береснева «Конница скачет».

Выбор характерный. Красноармеец Вилка совершает целый ряд подвигов: спасает мальчика из-под колес бронепоезда, разгневывает заговор белых шпионов, за две минуты до взрыва бросает в воду адскую мину, заложившую под железнодорожный мост белым штабом. Рыцарь без страха и уприса, он всегда поспевает вовремя; весь обвешанный романтикой Майн-Рида, он жестоко карает злодеев и помогает сирым и бедным.

Вы узнаете этот образ? Это — совершенный Гарри Пиль. Надо признать, что Береснев удачно справился с поставленной себе задачей — перекладывая на советскую тематику приключенческую фильму Гарри Пила. Береснев достиг значительно усовершенствования жанра. Он лучше Гарри Пила постиг искусство монтажных эффектов, влияние мастеров нашего кино привело его к более тщательной обработке материала. Восторженный прием, оказанный фильмом собравшейся молодежи, лучше всего свидетельствует, что среди любителей приключенческого чтива картина Береснева с успехом заменит исчезнувшего, наконец, с нашего экрана германского детektива...

Потому почему мы посоветуем режиссеру Бересневу, хорошо зарекомендовавшему себя фильмом «Золотой мед», не слишком увлекаться дешевым успехом «Конница скачет», а администрации театра «Юнгтурм» вперед, с сугубой осторожностью относиться к подбору репертуара театра для рабочей молодежи и привлечь к этому делу авторитетные общественные организации.

И. ФЕЛЬДМАН

3. «Перекрасьте в черный»

Несколько человек рассматривали тускло поблескивающий металлургический агрегат «Альфа-Лаваль». Это был исторический сепаратор. На черной станине красовался выштампованный № 1000. «Альфа-Лаваль» был продан и подлежал немедленной отправке.

Первые «Лавали» были выкрашены в красный цвет. Покупатель крестьянин заурямяился:

— Чтоб как довенный—черный. Тогда и цену дам.

Пришлось в спешном порядке перекрашивать продукцию.

Тысячный «Альфа-Лаваль» был черного цвета.
30 000... 60 000... 120 000... Вот в каком прогрессе идет в настоящее время увеличение продукции завода «СЕПАРАТОР».

Последняя цифра—1929 года. Больше всех гордится этой цифрой бывший «футболист» Серженка. На вопрос, что он делает на заводе, он весело и нежно хвастливо заявляет:

— Деталь № 33.

Много операций испытывает на своем пути эта важная деталь, от простого куска «верхне-исетского сырья до сверкающего обработанными поверхностями, точно пригнанного по шаблону конуса.

Серженка работает на последней операции детали № 33. Он с любовью осматривает готовую для сборки деталь и в восторге старого ветерана говорит:

Эх, если бы не мы... Серженка глубоко прав. Если бы не они, не кучка энтузиастов, поборовших местное недоверие, ведомственные «неуязвимки», отсутствие средств и станков, сейчас не красовалась бы над старым лесосервским заводом сияющая надпись «СЕПАРАТОР».

4. Деталь № 56

В сборочном цехе прохладно, хотя и не особенно чисто. Пригоняются и проверяются части, на длинных столах стоят уже почти готовые «Лавали».

Рядом с просеком уже слесаря Шердакова Прокопия Ивановича склонились над тридцать четвертой деталью.

— Ишь, сукнины дети, расточили очень, вмяток будет.

Он досадливо откладывает в сторону расточенную деталь и говорит медленно и тяжело:

— В таком важном деле нужна точность...

— Да, сложная машинка... А скажите, товарищ Шердаков, сколько всего деталей и какая самая важная?

— Всего 55. А какая самая важная? Вот смотрите.

Шердаков вытянул коричневую загорелую руку.

— Здесь пять пальцев. Рубите хоть любой, а рука уже будет не та...

Старый матрос вновь склонился над своими пятнадцатью пятью деталями, но чувствовалось, что к сборке приготовлена еще одна невиданная, но ощущающая пятнадцатью шестью деталями: подьем крестьянского хозяйства.

Работает и растет единственный в СССР, прошедший через все беды и препятствия, мощный и крепкий «СЕПАРАТОР».

Сепаратор в молочной кухне.

1. Борьба

ИХ БЫЛО совсем немного. Всего десять-двенадцать человек. И как всеякие энтузиасты, они были вполне одиночки, немножко чудаковатыми, но всегда энергичными и бойкими. Посудите сами: в самой сердцеvine Урала, среди гигантских доменных печей, сотен тысяч тонн руды, среди огнедышащих марленов, в горячем аду прокатных и кузнечных цехов Б. Лесосервского завода, в 1915 году бросавшего всю свою энергию на великую бойню, у кучки чудаков, верящих в свое дело, возникла мысль... о сливках.

После империалистической войны завод долгое время был на консервации и к началу восстановительного периода представлял из себя груды железного лома и оксаленных трупов фрезерных и токарных станков. После долгих усилий, хлопот, судя и разрешений старый завод снова загорыхал и заговорил на ржавом языке железа.

Завод принялся за починку механического транспорта и стал называться Авто-ремонтным заводом НКПС.

Из сборочного цеха выкатывались возвращенные к жизни автозаводы, моторы, автосани. Проектировались автобусы. Однако, не суждено было заводу продолжить свою авто-ремонтную жизнь. Не было загрузок. Производство становилось явно неэкономичным, не оправдывало расходов. Завод работал «на себя».

— Гм... Да, долго не продеремся, — говорил старый, седеющий токарь молодому «енкину».

Фабрикант не унимался и загорно-насмешливым тоном «проектировал» ближайшее будущее.

— А мы дизеля строить будем или, опять же, автомоторы. Вот я в борт-механики хочу.

2. Боевой штаб

Одинокая копилка с автомобильным маслом тускло и трепетно освещала несколько голых до досчатых некрашенным столом.

«Зудачки» были в полном сборе. Инженер Гутовский поглядывал. Несмотря на тишину в комнате, трудно было разобрать отдельные слова. Синий дым «енкины» и «якоря» расчертил душной и темный воздух неподвижными горизонталями.

— ...И если бы мы сумели найти подходящее производство и загрузить завод, мы бы его спасли от разорения.

— Это верно ты говоришь, Александр Владимирович, а только какое производство?

Инженер почесал кончиком карандаша лысешку лоб.

— Да вот тут у меня есть и чертежи и модель лавалевского сепаратора...

— Это, значит, на мужика работать? Инженер вспыхнул.

— А вы, товарищи, думаете, что сепаратор не важная вещь?

— Оно, конечно, может, и важная, да только прежде работали, как-никак, на промышленность, а теперь на табачного покупателя.

— И потом же металлисты мы, а не жестяники. Это к кустарям ступай, с руками оторвут.

Серженку уже трудно было остановить.

— Товарищи, разрешите вести собрание в порядке. Кто за сепараторы?

Голосование кончилось, а на другой день в обеденный перерыв в цехах и во дворе только и слышалось:

— В жестяники хотят нас запелать.

— Чтобы я да сливками занимаюсь? Ни за какие приянки.

— А молодых-то переманули, за их голосует.

— Ну и что-ж, пусть голосуют. Посмотрим, как наши кустари хозяйство перевернут.

КАК СОЗДАЕТСЯ ДРУЖБА

Черк В.А. СУХАНОВА

ПО ЗАГРОМОЖДЕННОМУ заводским домом двору шли двое: Козьмич, старый коломенский токарь, и комсомолка Ширинский — секретарь комсомольской ячейки, вождь фабзавуча. Шли, наткаясь на различные части фабричных отбросов.

Ширинский оглянулся. Вокруг лежали неиспользованные части трактора. Лежали всеми забытые, ржавеющие...

— Дедушка, а дедушка! Может, можно?

— Что можно, сынко?

— Ну, можно в дело использовать?

Козьмич прислушался.

— А и то правда, Петя, можно! И еще как можно.

С тех пор началась дружба, величайший крепкий союз фабзавуча-рабочих с крестьянами подшефной якинской коммуны «Восход».

Был февраль месяц 1929 года. Придаться человек учеников фабзавуча Коломенского машиностроительного завода, что под Москвой, в 117 километрах, решили образовать ударную бригаду по постройке трактора.

Решили использовать все старое оборудование, погнать в дело весь ненужный и валяющийся без присмотра хлам, сэкономить 1½ тысячи рублей для нуждного земельного управления и в конце-концов по прошествии 1½—2 месяцев сделали совершенно новый трактор, совершенно новую машину для крестьянской коммуны.

— На-те, товарищи, пользуйтесь. Работайте на славу...

Так началась дружба. Дружба коломенских рабочих с крестьянами Якинской волости. Дружба крепкая.

Коломенские ребята на этом не успокоились. Они решили развернуть соревнование по всему фронту. При якинской коммуны не так давно открылась детская площадка для крестьянских детей. Члены коммуны на время работы, особенно летом, оставляли своих ребятшек в яслях, на сохранение государства. Детская площадка оказалась неотъемлемой частью в крестьянском быту.

— Ну куда-ж я с ребенком денусь, когда в поле на работу идти надо? — говорили многие из матерей. — Вот в ребятку площадку и понесу. Там покормят, присмотрят за ним. Хорошо бышевики придумали!

Площадка стала своей, крестьянской. Но случилось неожиданное «но». На содержание площадки местные власти начали урезать отпуски денег. Площадке грозило полное захирение, а может быть, и полная ликвидация. Якинцы приуныли. Что делать, как быть? Думали, гадали, просили субсидию, невозможно денег — ничего не выходило. И вот тут-то пришли на помощь коломенские комсомольцы-фабзавуча.

Так же, как и с трактором, молодые «ударники» во внеурочное время решили сделать для площадки необходимую утварь — столы, стулья, детские кровати и прочие вещи. Поработали около месяца и в конце-концов снабдили детскую коммуны всем необходимым, вывели площадку с честью из-под угрозы срыва, ликвидации, закрытия.

Дружба разрасталась.

* * *

В тесном и скверно оборудованном помещении и Коломенской школы фабзавуча шумно. Ребята взирали на парты, на столы, на стулья. Многие доказывали друг другу, что-то вытаскивая. Молодой с едва-едва пробивающимися черными усиками, весь испещренный от усталости (и на производстве работать надо, и на собраниях выступать, и в дискуссии участвовать — дел не оберешься!) вождь фабзавуча Ширинский волнуетсь больше всех.

— Товарищи! Товарищи! Надо ехать, обязательно надо ехать. Иначе нельзя.

— Устаи ехать? Устаи и так. Вишь, сколько работы было, не оберешься. Тьма-тьмушая.

— А все равно надо ехать. На том свете отдохнем, — не унывается Ширинский. — Нуяи распускать нечего. Вот поработаем, починим колодез, а потом и айда, на покой...

Среди присутствующих пробегает волна колебания.

Клич брошен. Волна колебаний ширится, набегает все больше и больше. И, наконец, после 10—15 минут убеждений:

— Согласны. Едем. Даешь колодез!

Ширинский снова одернул верх.

— Молодец, Петя, молодец. Так всегда нужно, не славаши. Молодец!

Это хвалит своего «незаконного» сына старик Козьмич, неизменный спутник фабзавучающегося главаря.

И вот «во едину от субботы», после окончания трудовой недели, около 100 фабзавуча (бригада уже увеличилась больше, чем втрое), вооружившись лопатами и топорами, отправлялись снова в деревню — чинить по просьбе крестьян колодез. В работе были забыты все споры, все недомолвки, и через каких-нибудь шесть-семь часов колодез был готов.

А в результате, спустя несколько дней в местной газете «Коломенский Рабочий» появилась краткая заметка:

«О работе бригады комсомольцев, ремонтирующих сельскохозяйственные машины и орудия к севу, а также и колодез, бедняка села Мячково, Коломенского района, пишу:

— Спасибо товарищам-рабочим за бесплатный ремонт и тщательную

привозку частей к нашим машинам, плугам и боронам. А также спасибо за вырытый колодез».

Это ли не лучший показатель результатов труда коломенцев, ораторских усилий и убеждений Ширинского! Просто, коротко, деловито. Без лишних слов, без ненужного пафоса.

«Дорогой тов. Ширинский!

Сообщаем вам, что вчера к нам присоединились еще пять новых крестьянских хозяйств бедняков. «У вас, — говорят, — комсомольцы с Коломны работают, — так у вас все хорошо. А нам грозят трудну. Поэтому просим нас зачислить в вашу коммуны».

Вот, тов. Ширинский, какие дела. Значит, мы растем и ширимся. Сейчас все живут ваших рабочих к осени. Скоро жавут будет, так все надеемся, что вы нам поможете. Пока, товарищи дорогие, до-свиданья. С уважением оставляю. Всем товарищам кланяюсь».

Осталось Иван Засекос, из коммуны Якинской».

Так разрастается дело смычки.

* * *

О соревновании, об исключительной грандиозной по своим масштабам работе можно писать много, можно рассказывать целые горы. И все равно всего не перескажешь, все равно не перелашь того великого, что наблюдается в повседневной жизни коломенского завода и его

небольшой частицы — в школе фабзавуча.

По удачному почину комсомольской, крошечной на первое время бригады весь завод превратился сейчас в сплошной соревнующийся котел. Составляется цех с цехом, бригада с бригадой, человек с человеком. Составляются не только в производственных вопросах, но и в делах бытовых, культурных и прочих.

И краткая повесть о маленькой, но великой работе в якинской коммуны и в Мячковской волости — разве не доказательство этого?!

„СМЕНА“

готовит ряд специальных номеров.

Следите!

Ширинский.

Козьмич.

«СТРАНА СОВЕТОВ» НАД ОКЕАНОМ

Героический полет «Страны Советов», несмотря на все препятствия, продолжается. Самолету пришлось испытать на своем пути противодействие всех стихий: лесных пожаров, туманов, бури, разреженного воздуха. Реже самолета и большей части прокладкой по неизвестным еще историям авиации путем. Сейчас самолет приступил к самому трудному пути — над океаном. Северо берега Аляски — страны, открытой, как известно, русскими охотниками — увидит первый советский самолет, первая самолет, на северозападных берегах Тихого океана. На снимке: Даузон, город Дюна Лондона, один из золотодобывающих центров на Аляске, описанный в его многочисленных рассказах.

ЗАЩИТА ДЛЯ ГЛАЗ АВТОМОБИЛИСТА

Защитный козырек от солнца, защита от яркого света и увеличительные стекла сломанными в один очок, что очень опасно для автомобилистов и других, которые приходится смотреть на яркий свет. Небольшая часть козырька имеет оптоволоконный прозрачный зеленый оттенок, а нижняя часть полупрозрачное стекло, почти прозрачное. Очки носят во время езды. Когда сильный свет ударит в глаза, то носивший очки нагибает голову и смотрит через верхнюю часть линзы.

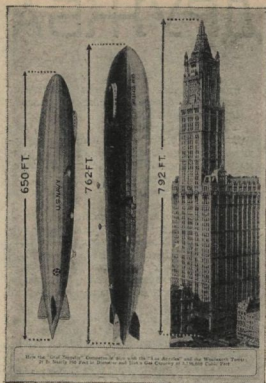

Рисунок показывает наглядно сравнительные размеры последнего «Цепелина», имеющего в длину 218 м, с «Лос-Анжелесом», имеющим 174 м.

«Цепелин» имел около 30 м в диаметре и емкость около 87 000 куб. м. Это самый большой воздушный аппарат в мире. Он предназначен для трансатлантических перелетов между Америкой и Европой.

РЯБЧИК Рассказ С. Днепровского

(Окончание. Начало см. на II стр.)

У Рябченко был тот же самый зарплату, — за четыре года ему не повисили зарплату.

Рябченко стал работать у мастера Асмоловского. Рябченко повелоз: он стал заменять больных дежурных, и ему тогда уплачивали два рубля шестидесять восемь копеек в день; тот день он работал по четвертому разряду.

Это, правда, было редко, но Рябченко уже начала улыбаться жизни. Рябчик начал изредка работать в «дежурке» — дежурной монтеров.

III

Хорошо познакомился я с Рябчиком в дежурной.

Мы работали в ночь. Я и еще один подручный — мы пришли раньше гулда, и от моего товарища я услышал:

- Сегодня у нас танцы.
- Как? — удивился я.
- Да так, балерина у нас сегодня.
- Кто?
- Рябчик.

Рябченко хотели заставить танцевать. Рябчик был тоже человеком, он хотел веселиться, но неховые пари с ним не дружили, а поэтому он зачастил в ломик, где жили кухарки артельных сезонных рабочих, в тот домик, рядом с которым был клуб воензированной охраны.

Там были «годалки». Вы не знаете, что такое «годалки»? «Годалки» — это танцы. Танцевали с утра до вечера, а вечера до утра. И Рябчик, оттолкнувший своим родным

коллективом, не замеченный товарищами, покотился по наклонной плоскости вниз.

На годалках Рябчик обрел свое счастье: с Рябчиком стали так разговаривать, на Рябчика смотрели как на равного, потому что кавалера на годалках было мало.

«Я человека — почувствовал Рябчик, кружащийся в вихрь знакомого вальса, и легко сжимал потное тело своей округлой, мягкой, красивой и потной барышни, дарящей его многообещающими взглядами.

В дежурку Ваня Рябченко вполз незаметно. Все дежурные знали об его успехах на годалках, однако, решение заставить его танцевать было отменено.

Всю ночь Ваня Рябченко простоял у стола, за которым полулежали, в охладилный заявок, дежурные. Ваня не решился сесть за стол, и так всю ночь не спал...

В следующую ночь я узнал, что у Вани короткие бровки (слишком короткие, как я потом увидел, такие короткие, как-будто он из них вырос). Я узнал, что у Вани ботинки с замшей, что он носит на годалках пенсы и красит губы и брови.

Я узнал потом, что Ванюша в последнее время плохо посещает собрания рабочих.

Рябчик понемногу стал еще больше отрываться от коллектива...

IV

Однажды я попросил у Вани Рябченко карандаш. Он улыбнулся и заморгал глазами:

— Где уж нам — мы неграмотные. Это уж было чересчур. Я был поражен, как никогда. Я был поражен не только фактом неграмотности, но и спо-

койствием, с каким этот факт сообщался самим Рябчиком.

Я узнал, что комсомолец Иван Рябченко, по прозвищу Рябчик, не читает газет, журналов и книг, что он Иван Рябчик, будущий кандидат строительства социализма, явится не творческой единицей в этом великом деле, а самым ненужным балластом.

— Надо обратить на Рябчика внимание, — посоветовал я одному из активистов.

— Да, да, мы об этом подумываем тоже.

Рябченко Иван стал в центре внимания трех активистов. Рябченко почувствовал, что в цехе на него стали обращать внимание. Активисты сказали:

- Ты краснись?
- Мм... нет, — в первый раз в жизни почувствовал стыд и создавая вину, ответил, краснея, Ваня.
- Ну так брось, это не дело. И балерной брось стоять, — приказали товарищи.

Ваня Рябченко перестал краснеть. Он снова стал внешне похожим на остальных. Было светло пенсен, реже поощались годалки.

— Ваня, учишься грамоте.

И Ваня стал учиться дома, потихоньку шараять.

- Ваня стал ходить на футбол.
- Интересное дело.
- Сперва он смущался, а потом даже спокойно стал рассуждать о тех или иных матчах.

У Вани бровки не стали забирать чай во время завтрака. Ваня стал разговаривать с ребятами.

Рябчик стал человеком... Скажите, нет ли у вас «рябчиков»?

ГААГСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В Гааге только-что кончились переговоры между «рабочейталией» и Германией. Хотя война давно уже прекратилась, по Германии все еще победившей страны. Правда, германские делегаты уехали из Гааги с видом победителей. Как иез в б л и ж а ю щ е время им придется платить деньги. Кроме того, Рейнская область вскоре будет оставлена союзниками. Умы, «победа» эта хуше любого поражения. Во-первых, новый закон Кнута действует в силу еще не скоро. Во-вторых, «рабочие» министры выторговали дополнительные платежи и пользу английского капитала. В-третьих, прибавились платежи в пользу Бельгии и на содержание «агента по репарациям». В-четвертых, эвакуации и без гаагских переговоров должна была начаться в тот же срок. В-пятых, союзники оставили за собой право в любой момент снова ввести войска. В-шестых и-седьмых, так же скорого для победившей Германии.

Единственный, кто выиграл на этой конференции—это английский «рабочий» министр его величества Сноуден. Он стал членом британской буржуазии, почти «национальным» героем. Дело, конечно, не в том, что ему удалось отхватить в пользу Англии еще несколько миллионов от победившей Германии, а в том, что он донавал полную пригодность «рабочих» министров для целей империалистического грабежа.

Внизу: нью-йоркские равнины на демонстрации. Плакаты на английском и еврейском языках обвиняют английскую администрацию в Палестине во всем случившемся и требуют смещения виновных английских чиновников.

«РАЗОРУЮТСЯ»

Мистер Мидлоула, «рабочий» премьер его величества и мистер Дуэкс, ограбленный Германией, посол американского капитала в Лондоне, договорились о «разоружении». Мандоулазавина представителем печати, что переговоры идут успешно. Ноги что Англия с помощью «рабочего» правительства строит величайшие в мире подводные каналы, а Со-единенные Штаты—величайшие аэродромы. Сооружение по «разоружению» продолжится.

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА АРАБОВ ПРОТИВ АНГЛИИ

События в Палестине приобретают все большую остроту. Первоначальные нотации английской печати представлять их как местный национальный конфликт между евреями и арабами оказались совершенно несостоятельными. Налопо мощное арабское движение против английского империализма. Движение это все растет, вовлекая мусульманские племена соседних стран: Сирий, Трансирдании, Геднаса. Англия, которая повсеместно объявляет себя «цивилизаторницей» мусульман, естественно, встревожена: если все ее мусульманские колонии придут в движение, это будет величайшей опасностью для ее господства. Перед лицом этой опасности «рабочий» премьер Мандоулазавина вынужден даже броситься в объятия Франции, которую он недавно поносил. Сотрудничество убийч началось: английские и французские палачи будут подышать востание вместе. На сцене: Тель-Авив, еврейский центр в Палестине.

На последней сессии Лиги Наций представителю арабов подыла вопрос о прекращении английской оккупации, которая сопряжена с обезземелением и обнищанием арабского крестьянства. Лига Наций отделилась и этому там, кан и должна была отбросить организацию грабителей: арабов просто не пустили на порог.

ДВОРЕЦ ПРОФ. БУРЯКОВА

Германский союз металлистов возглавляет в Берлине дворец, в котором будут заседать состоящие в услужении буржуазии профсоюзники. Союз, у которого хитило капиталов для постройки этого дворца, в то же время отказывает в поддержке безработным, помогает социал-фашистскому правительству сжигать им пособия, срывает забастовку трубопроводчиков, добивающихся человеческих условий труда. Хоронивший памятники социал-фашистского предательства и бесчеловечия.

На самолете „Молодая Гвардия“ поступили взыскания от следующих товарищей:

Тренин В. и Хорунцев Н. 9 р. 60 к.; Соловов А. М. 3 р. 75 к.; Косевар А. В. 6 р. 75 к.; Гершензон М. А. 5 р. 60 к.; Преображенский С. И. 1 р. 50 к.; Бернер С. Б. 14 р.; Вилнер Ф. (Фрих) 7 р. 40 к.; Леонов-Виняцкий Л. С. 1 р. 50 к.; Хитров Р. 1 р. 88 к.; Заславский Д. 1 р. 25 к.; Шульков В. И. 12 р. 25 к.; Ритов Г. Р. 8 р. 75 к.; Шор С. Ю. 7 р. 5 к.; Кузнецов В. 1. 4 р.; Сталин Н. А. 2 р. 70 к.; Он же 2 р. 70 к.; Зильберштейн П. С. 17 р. 50 к.; Жуков В. В. 22 р. 50 к.; Цубини А. Г. 3 р.; Родецкий Н. П. 47 к.; Шамагин В. и Прохоров В. 4 р. 5 к.; Крель Г. И. 1 р.; Мавлонов Б. И. 1 р.; Бонюх П. С. 2 р. 40 к.; Гилвар А. Л. 1 р. 35 к.; Гольвинский А. Ф. 1 р.; Смедов Б. Н. 2 р.; Дмитриев-Курманский Ю. 12 р.; Черный Я. М. 7 р. 50 к.; Гаус В. Ю. и Климов Б. 3 р.; Стернин А. И. 1 р.; Вабаев Н. А. 1 р. 20 к.; Нечев Н. В. 3 р. 75 к.; Бочин Л. А. 2 р. 30 к.; Плет В. А. 6 р.; Казанкин Ф. М. 47 к.; Пашинский А. И. 1 р. 25 к.; Горюнов А. В. 4 р. 75 к.; Коровинов А. Г. 2 р. 50 к.; Мильдурт А. С. 2 р. 40 к.; Васильковский Г. О. 1 р. 88 к.; Черня С. А. 1 р. 88 к.; Рылов И. Е. 5 р.; Торопов А. Н. 47 к.; Поперекон М. (Полозов) 47 к.; Немцов В. И. 1 р. 20 к.; Титов И. И. 2 р.; Лурье Г. и Мейтов А. 3 р. 75 к.; Хашенио Е. Я. 75 к.; Студенцов И. В. 75 к.

В ГОРЛОВКЕ БЫЛ ТРАМ.

Очерк В. ЗЫБИНА

ИСТОРИЯ строительства «Дворца культуры» в Горловке («Донбасс») имеет много своих интересных страниц. Но не об этой истории будем мы говорить, а всего только о маленькой, неказистой, повальщюй комнате, на дверях которой прибита местная бляшка с цифрой «8».

Здесь из месяца в месяц, изо дня в день, вдали от посторонних глаз, делается большая работа, воплощающаяся в сценические представления, которые смотрят тысячи горловских шахтеров.

Здесь, в этой маленькой неказистой комнатке № 8, родился, живет и работает Горловский театр рабочей молодежи. Именно—рабочей, потому что из 40 трамощев—33 от станка.

Тяжелый путь учебы прошли горловские ребята. От навивенной инсценировки («даешь к первомаю—мигагауту») е пузатыми попками и кулаками, красносмыслыми прогульщиками и тощими седнянками («бедняк мало ест, он обязательно тощий»)—к «синей блузе». И от «синей блузы»—к «Углекопу Карпу», к «Шторму», к «Плавятся дин». Места на «Шторму» рабочие зрители брали штурмом. «Штор» выдержал 5 постановок подряд, етер вышло 5 тысяч шахтеров. На «Плавятся дин» побывало... 6 тысяч человек—цифра рекордная для Донбасса.

И о горловских трамощев заговорили. «Комсомольская Правда» назвала Горловский трам «большим культурным начинанием». «Кочегарка» писала: молодежь и довольно неопытные трамощев с большим увлечением и подъемом сыграли трудные роли в пьесе «Штор». Своеобразие режиссерской трактовки пьесы и внешне-художественного оформления спектакля произвели огромное впечатление на рабочих зрителей...

«Аппетит приходит во время еды»—это истина. Горловские ребята уже обсуждали перспективы своего дальнейшего развития, начали мечтать о «всесоюзном траме». Но не менее верна и другая истина—большой успех порождает... большую зависть...

Чья-то несведомая рука надавила тайную кнопку и... 26 трамощев из 40 оказались в... разных местах. Сорвана новая постановка—«Фабрика благоче-

ствия». Еще одно нажатие кнопки—и правление рабочего дворя, «еогласно постановлению вышестоящих организаций»... исключает из трама всех металлистов. А дальше пошло, как по маслу: «отсутствие помещения», «начинию инсценировка электропрошивка в разгар спектакля, торг из-за грошей—постепенно, но верно загоняют трам втуклю».

Однако, горловские общественные организации понимают, что «кажким—хорошо, а дипломатия—лучше». И стапательно «нажимаю на трам, они не забывают и дипломатии».

— Идите к нам,—зывает клуб металлистов,—у нас лучше!..

— Пляньте на трам,—говорит секретарь ячейки ВКП (б) тов. Гончаренко,—идите в кружки, там раздолье, а если не пойдете...

Здесь мы поставили многоточки, потому что секретарь ячейки так и не договорил, что будет, «если»... Но он это показывает.

Всякая просьба трамощев получает один ответ:

— Невозможно! («Вы знаете, теперь борьба за труддисциплину, а вы просите в одну смену!») Невозможно! («Это чорт знает что, борьба за снижение административных расходов, а сии черевон просья!») Невозможно! («Ах, как они мне навоели!»)...

В одной шеренге с трамощами борется райком комсомола. Но... горловские партийные и профсоюзные организации, индиком, так усердно зарылись в строительный мусор, так усердно рассматривают залякующий по ногам ещевен, что потеряли способность ясно различать перспективы. А трам, в масштабах Горловки,—это ли великая культурная перспектива?

Горловский трам должен жить. Ребята должны получить средства, должны получить возможность учиться. Вопреку о «всесоюзном траме» надо обесудить.

«Мятажи» в Горловском траме.

ПОПРОБУЙ И ТЫ!

Под редакцией С. ГЛЯЗЕРА

№ 27. Кому это нужно?

Прошедшие войны, и особенно мировая война 1914 г., нинесли много потерь рабочему классу. Рабочий класс предьявляет ечет вымерзавшему в 10 миллионов убитых и 20 миллионов раненых,

иснаеченных и изурованных войной во имя чужаых им интересов. Это особенно страшно, так как погибла самая цветущая часть рабочего класса—молодежь в возрасте от 19 до 24 лет.

Найдите на этом рисунке, кому это выгодно и кому это нужно.

№ 28. Кто зачинщик инициатор?

По всем советским заводам, фабрикам, рудникам и динс крестьянским хозяйствам, объединенным в колхозы, выполняющим большевикторисакивания—социалистическое соревнование масс.

Рабочий класс в этом деле иницирует, ет свое творчество для того, чтобы обеспечить выполнение пятилетнего плана. В этом начинании заинтересован рабочий класс не только СССР, но и всего мира.

По этим частям, выходящим в прессе, в количестве 16, узнаете, кто зачинщик-инициатор.

